

УДК 82.09

Любецкая В. В.,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры ГСЭД,
Военная академия (г. Одесса)

**ЛИРИЧЕСКАЯ И ЛИРИЗОВАННАЯ ПРОЗА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Питанням ліричної прози присвячено чимало літературознавчих досліджень, але поки немає повного наукового висвітлення цієї проблеми – співвіднесення феномена ліричної прози

з прозою ліризованою. Саме це й обумовлює актуальність даної теми, з прагненням, що знаходиться в її основі, дослідити виникнення та еволюцію ліричної прози як художньо-естетичного явища, а також необхідність вивчення її стилістичних та жанрових перетворень, зв'язок з прозою ліризованою. Запропоновані проблеми вимагають прояснення як в рамках теорії, так і в межах історії літератури.

Ключові слова: лірична проза, ліризована проза, стиль, жанр, літературний рід, епос, лірика, драма.

Вопросам лирической прозы посвящено немало литературоведческих исследований, но пока нет полного научного освещения данной проблемы, соотнесения феномена лирической прозы с прозой лиризованной. Именно это и обуславливает актуальность данной темы, с лежащим в ее основе стремлением исследовать возникновение и эволюцию лирической прозы как художественно-эстетического явления, а также необходимость изучения ее стилистических и жанровых преобразований, а также связь с прозой лиризованной. Предлагаемые проблемы требуют прояснения как в рамках теории, так и в границах истории литературы

Ключевые слова: лирическая проза, лиризованная проза, стиль, жанр, литературный род, эпос, лирика, драма.

A lot of literary studies are devoted to lyrical prose issues, but for the time being there is no full scientific vision of the problem with relating the phenomenon of lyrical prose and poetic prose. This is what causes the relevance of the topic, with its underlying desire to investigate the origin and evolution of lyrical prose as the artistic and aesthetic phenomenon, as well as the need to examine its stylistic and genre transformations, connection with the poetic prose. The proposed issues need to be clarified not only in terms of the theory, but also within the boundaries of literary history.

Key words: lyrical prose, poetic prose, style, genre, literary race, epic, lyric, drama.

Термин «лирическая проза» унікален, строгого наукового визначення он не має до сих пор. Зачастую в критическому терміну «лирическая проза» користуються не в власному жанровому значенні, а скоріше як стилістичною характеристикою, позначаючи твір, в якому панує емоційність, вразливість, «лирическая струя» (за А. П. Ельшичевим). Тобто, термін «лирическая проза» позначає прозу, внутрішню сутність якою складає початок ліричний, іноді ісповідальний. Лірическая проза часто вважається сюжетною, так як зберігає ліричну суб'єктивність і емоційну безпосередність. Однак, лірическая проза має сюжет, поєднуючи в собі динамічний образ ліричного переживання з основним дією, як цілісною системою подій. Цей «потік свідомості» прийнято називати ліричним сюжетом, який складається з складноз'єднаних з зовнішнім світом внутрішніх переживань, роздумів, почуттів і асоціацій автора і героя.

В традиционной лирической прозе присутствуют черты как эпоса, так и лирики. Однако соотношение эпического и лирического может значительно колебаться (отсюда вытекает, в том числе и различие прозы лирической, условно назовем ее «сюжетной», и прозы лиризованной – «бессюжетной»). Взаимопроникновение эпического и лирического в лирической прозе всегда обусловлено специфической ролью в ней субъекта повествования, который обычно является композиционным центром произведения. При этом «лиризация» охватывает весь арсенал художественных средств – от общей композиции до особенностей языка. Показывая мир, преломленный через авторское видение, лирическая проза может и не отличаться эпической полнотой, но углубляясь в суть явления, ей присуща и широта, и своеобразная объективность. О том, что лирическая поэзия по своей сути субъективна, писали еще античные философы в своих работах. Так в свое время было принято считать, что Аристотель в «Поэтике» рассматривает поэтические роды, называя их разными типами подражания. Наиболее полно и глубоко категория литературного рода описана Г. В. Ф. Гегелем, который в отличие от Аристотеля пользуется такими понятиями как «субъективное» и «объективное». Позднее теоретики литературы склонялись к мнению, что в Античности были сформулированы принципы жанрового мышления, то есть речь идет именно о жанрах, а не о понятии «рода», который актуализируется позднее (на рубеже XVIII–XIX вв.). О. Р. Миннуллин, размышляя о пути становления лирического рода литературы, пишет следующее: «Категория литературного рода – явление Нового времени ... Практически вся риторическая («нормативная», «эйдетическая») эпоха начиная с Античности – время господства *жанрового* сознания» [Миннуллин 2012:20].

Оба этих подхода А. В. Домашенко считает «очевидными крайностями», давая необходимые пояснения: *«И Платон и Аристотель на самом деле говорят о родах поэзии, но их понимание поэтических родов в корне отлично от гегелевского. Различие начинается уже с того, что Аристотель выделяет не три, а два поэтических рода, границы которых совпадают с двумя разными*

по своему характеру подражаниями. Вся поэзия, таким образом, рассматривается Аристотелем, как подражательное искусство. Для Платона же граница между двумя поэтическими родами совпадает с границей между манической и миметической поэзией» [Домашенко 2007:202–203].

Как известно, «Поэтика» Аристотеля посвящена систематическому изложению вопросов словесного художественного творчества, точнее – теории поэзии. Но что понимает Аристотель под словом «поэтика»? В современной терминологии поэтика – наука о словесном художественном творчестве, в древнегреческом языке это слово («пойэтикэ» – делаю, творю) не имело такого значения, а обозначало само словесное творчество, то есть не науку о поэзии, а само поэтическое искусство. В свою очередь понятие искусства («тэхнэ») трактуется Аристотелем достаточно широко – математические искусства, врачебное искусство, а также скульптура, поэзия, музыка, архитектура.

Всякое поэтическое творчество для Аристотеля является подражательным, следовательно, он рассматривает поэзию именно в границах мимесиса и определяет, чем друг от друга отличаются разные подражания. Подражательные искусства, как и прочие, представляют собой, по Аристотелю, «творчество, следующее истинному разуму», но главная сущность искусства – в познании истины [Аристотель 1957:14]. Трояко подражая через другой род, поэзия выводит на свет определенный род сущего: «Сочинение эпоса, трагедии, а также комедий и дифирамбов ... все это в целом не что иное, как подражания (mimeseis); различаются же они между собой трояко: или разными средствами подражания, или разными его предметами, или разными, нетождественными способами» [Аристотель 1976–1983:646].

Аристотель говорит в «Поэтике» о различии видов поэзии в зависимости от способа подражания: а) объективный рассказ (эпос); б) личное выступление рассказчика (лирика); в) изображение событий в действии (драма): «... *каким способом совершается каждое из этих подражаний. Ибо можно подражать одному и тому же одними и теми же средствами, но так что [автор] или ведет повествование [со стороны], то становится в нем кем-то иным*

подобно Гомеру; или [все время остается] самим собой и не меняется; или [выводит] всех подражаемых [в виде лиц] действующих и деятельных» [Аристотель 1976–1983:648].

Определяя лирику по способу подражания, Аристотель указывает на «субъективность» лирики, когда *«поэт остается самим собой»* [Аристотель 1976–1983:648]. Конечно, в первую очередь древнегреческий философ отмечает в лирике ее коренное отличие от эпоса и драмы, так как им рассматриваются по преимуществу трагедия и эпическая поэзия. Дело в том, что субъективность лирики времен Аристотеля особого рода. Оказывается, что в ней «поет и пляшет то самое лицо, которое их и складывает: автор. Но этот автор странный: он не один, их множество; и не просто толпа ... этот автор состоит из определенного числа лиц, живущих в одном определенном месте, имеющих один определенный возраст и один определенный пол. В стихах, которые поет и пляшет этот множественный автор, он называет себя единичным и говорит о себе не «мы», а «я»; но то, что он рассказывает, относится не к нему самому, а к богу» [Фрейденберг 1997:41].

Таким образом, исполнитель лирического произведения, поэт, причастный к герменейе (священной речи), говорит не от своего имени, а от имени хора. Способность лирики передавать всеобщее генетически восходит к хоровому началу данного рода литературы. Лирика устремлена к общему, *«к изображению душевной жизни как всеобщей»* [Гинзбург 1997:7]. Но и это еще не все, жизнь всеобщая – это вечное продуцирование божественного, не имеющего отношения ко времени, *«акт самоутверждения, в котором есть реальная и идеальная стороны»* [Шеллинг 1966:162].

Лирическое слово – не средство воспевания поэтом самого себя; оставаясь истинно поэтическим, оно является пророческим. О таком изначальном понимании поэта (автора) говорит Ф. В. Шеллинг: *«Это вечное понятие человека в боге как непосредственная причина его [человеческого] продуцирования есть то, что называется гением, как бы genius, обитающее в человеке божественное. Это, если можно так выразиться, образчик (ein Stück)*

абсолютности бога. Поэтому каждый художник и может продуцировать не более того, что связано с вечным понятием его собственного существа в боге» [Шеллинг 1966:162].

Лирика как род литературы основывается на обращении к сфере внутреннего, то есть к человеческому сознанию, эмоциям и впечатлениям. В эпике событие понимается как внешнее действие, а в лирике – это событие переживание, изображенное в его динамике. Повышенная выразительность лирики компенсирует сферу условно представленного пространства и времени. Для лирики важнее система художественных средств, посредством которой раскрываются эмоциональные движения души автора.

Традиционная лирическая проза стремится к простоте выражения идеи, которые становятся идеями-чувствами, интуитивно воспроизводящими действительность как поэтическую истину.

Стоит отметить, что истоки лирической прозы восходят к эссеистике М. Монтеня и Б. Паскаля, то есть к сентиментализму и романтизму, с их дневниковыми и исповедальными формами, психологизацией и монологизацией. Ярким примером лирической прозы является цикл стихотворений в прозе «*Senilia*» (1877–1882) И. С. Тургенева. Встречаемся мы с лирической прозой и у таких мастеров слова, как Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, К. Г. Паустовский, В. П. Катаев, В. А. Солоухин, А. Белый, Ф. Сологуб, В. Брюсов.

Лирическая проза отличается единством настроения, образующим *лирический сюжет*, поэтическим колоритом, смысловой насыщенностью, ритмизацией повествования, богатством красок пейзажа. В привычное эпическое повествование привносятся «внесюжетные элементы», наполняющие произведение ощутимой смысловой и стилистической лиризацией.

В XIX в. лирическая проза существует как лирический роман, осуществляется и в малых эпических жанрах. Смысловой и композиционный центр лирической прозы – живая жизнь героя, что обуславливает и поэтику лирической прозы, наделенной свойствами лирики и эпоса. Целый мир

субъетивизирован в лирической прозе, явления действительности излагаются по принципу непосредственного их созерцания, душевного освоения; все это лирическая проза унаследовала от лирики. Что же касается эпической составляющей, так это присутствие в лирической прозе сюжета, хоть и в ослабленной, редуцированной форме. Диалогизирующее начало, объемность характера главного героя, осмысление различных социальных, этических проблем – идет от эпоса. Иными словами, в лирической прозе познание целого мира происходит с помощью индивидуального сознания.

Лирический сюжет не отягощен развитием событий и строгой композицией. Вместо привычной формы автор предлагает своеобразную игру, со сменой настроения, ассоциативным мышлением, нарушающим временные и логические связи, и способствующим хронологической деформации (обращение от «здесь и сейчас» до «вечности»). Существует мнение, что лирическая проза – разновидность лиро-эпоса, лирической автобиографии. Однако, как мы видим, лирическая проза явление уникальное, содержащее в себе различные начала, в том числе и драматическое, тяготеющее к лирике и эпосу, реализующееся в различных стилях и жанрах.

Лирическое начало, проникнув в прозу, сперва называли «эпическим лиризмом» (Б. М. Эйхенбаум); в XXI в., размышляя о законах лиризации малых жанров, литературоведы стали использовать термин – «лиризованная, поэтическая проза», которая «обобщает все, до грандиозного *впечатления*» [Стернин 1994:212]. Не претендуя на типизацию, лиризованная проза фиксирует настроенческое, случайное, это «этюд без сюжета», отражающий авторские впечатления [Силантьева 2015:143].

Лиризованная форма мышления вбирает в себя живописные элементы, рождая самостоятельные произведения-настроения. И эта тенденция в искусстве рубежа XIX и XX веков оказывается основополагающей. В отношении лиризованной прозы сопоставимы два понятия – «лиризм» и «настроение». Лирическая форма осмысления действительности, где на первый

план выходит эмоциональное переосмысление изображаемого, характерна, например, для творчества и для письма А. П. Чехова, а также И. А. Бунина.

Изображая обыденное и обычное, писатели «преображали» слова и образы, которые становились высокопоэтичными, окрасившись в лирическую интонацию. В. И. Силантьева отмечает: «Казалось, что «большой эпос» – явление долговечное и эстетически безупречное. Смена эстетических ориентиров в конце XIX века оказалось почти внезапной, но при внимательном рассмотрении вполне закономерной» [Силантьева 2015:131]. Речь идет о многообразии лирических вкраплений в прозу – в творчестве Н. В. Гоголя («Мертвые души»), Н. А. Некрасова («Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо»), И. С. Тургенева («Записки охотника», «Му-му»).

Помимо конфликта и мотива очевидно звучание внесюжетных элементов, которые, все таки, не менее важны для замысла целого. Так, у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» лирическая стихия – пророческая, содержащая «божественный глагол», лад, являющийся онтологической основой поэтического творчества. «Степь» А. П. Чехова – произведение-метафора, степь – сама жизнь человеческая. Фабульное действие этой повести ограничивается поездкой, и оказывается, что сюжет произведения – лирический [Силантьева 2015:153].

Лирика всегда говорит об особенном, у Г. В. Ф. Гегеля это «*особенные созерцания чувства*», которые выливаются в размышления с целью подытожить всеобщность внешнего бытия. У Ф. В. Шеллинга «особенное» – это сфера субъективного, а значит свободного. Однако особенность субъективного в прозе, проникнутой лирикой, состоит в том, что в нем выражается объективное и необходимое. Лирическая поэзия – наиболее субъективный вид поэзии. «*Ей разрешаются самые смелые отклонения от обычной последовательности мысли, причем требуется лишь связь в душе поэта или слушателя, а не связь объективного, или внешнего характера*» [Шеллинг 1996:346]. Таким образом, особенное, субъективное, личное становится в лирике всеобщим.

В литературе XX–XXI вв. такие характеристики художественного мира лиризованной прозы, как «сжатость», «мгновенность», «точечность», «современность» становятся основополагающими. Специфический предмет лиризованной прозы – характерность человеческого сознания, а не бытия людей, как в эпосе. В лиризованной прозе человек присутствует как объект изображения и как субъект, включенный в эстетическую структуру произведения.

Эпическую поэзию часто сравнивают с архитектурой, скульптурой или живописью, лирическая поэзия сравнима с музыкой. Образы и картины лирическая поэзия употребляет для выражения безобразного, чувственного. Эпос – есть «разумное» слово о природе вещей, в эпосе рассказывается историческое. В драме доминирует предвидение и действие, в лирике – чувство и переживание.

Лирическое ощущение мира – универсально: *«Лирическая поэзия... тем превосходнее, чем более возвышается над низким языком черни, не знающей вдохновения»* [Кюхельбекер 1991:252].

Лирическая проза, как особый тип художественного обобщения, обладает лирическим содержанием, что накладывает свой отпечаток на весь строй произведения, обуславливает эмоциональность повествования. Во многих исследованиях прослеживается стремление показать отличие лирического начала от эпического, но мало внимания уделяется тому, чтобы раскрыть особенности проявления лирического начала в прозе по сравнению с его проявлением в лирической поэзии.

Прояснив, в чем состоит своеобразие лирической прозы, стоит обратиться и к истокам, питающим ее; рассмотреть жанровые и стилевые особенности лирической прозы и прозы лиризованной; определить, каково художественное видение мира и человека в лирической прозе. Активизация лирической стихии наполняет художественное произведение поэтичностью, музыкальностью и словесной живописью. Взаимодействие поэзии и прозы однозначно усиливает поэтическое звучание эпических жанров. Более глубокое понимание природы

лирического слова и самой сущности лирики невозможно без понимания природы самого слова, языка, и искони присущего ему лада.

БИБЛИОГРАФИЯ

Миннуллин 2012 – Миннуллин О. Р. Энтелехия лирики: пути становления лирического рода литературы: учеб. пособие по спецкурсу / О. Р. Миннуллин. – Донецк : ДонНУ, 2012. – 243 с.

Домащенко 2007 – Домащенко А. В. Об интерпретации и толковании : монография / А. В. Домащенко. – Донецк : ДонНУ, 2007. – 277 с.

Аристотель 1957 – Аристотель Поэтика. Об искусстве поэзии / пер. с древнегреч. В. Г. Аппельрота, ред. пер. и коммент. Ф. А. Петровского. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 184 с.

Аристотель 1976–1983 – Аристотель Сочинения в четырех томах / перев. и ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1976–1983. – Т. 4 : Сочинения. – 1983. – 830 с.

Фрейденберг 1997 – Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / общ. ред. Н. В. Брагинской. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.

Гинзбург 1997 – Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М. : Интрада, 1997. – 409 с.

Шеллинг 1966 – Шеллинг Ф. В. Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова, пер. П. С. Попова. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.

Стернин 1994 – Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века / отв. ред. Г. Ю. Стернин; Российская АН, Ин-т искусствознания Министерства культуры РФ. – М. : Наука, 1994. – 425 с.

Силантьева 2015 – Силантьева В. И. Литература и живопись в контексте компаративистики : монография / В. И. Силантьева. – Одесса : Астропринт, 2015. – 336 с.

Кюхельбекер 1991 – Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие / В. К. Лепяхин // Декабристы: эстетика и критика. – М. : Искусство, 1991. – 492 с.